

Открыть дверь оказалось не так сложно, как я ожидал. Вопреки моим ожиданиям, когда моя рука коснулась двери, она практически сама собой распахнулась, открыв мне вид на то, что находилось за ней.

Это была овальная камера с несколькими каменными столбами, расположенными вокруг нее, к каждому столбу были подсоединены золотые цепи с небольшими надписями на неизвестном языке.

Цепи сходились в центре комнаты, опутывая металлическую сферу, которая висела в нескольких метрах над землей. Сквозь щели в этой сфере я смог разглядеть нечто, заключенное внутри.

В отличие от остального подземелья, освещенного факелами, эта комната была освещена большим голубым кристаллом, вмонтированным в центр потолка.

Открыв дверь, я взял факел в свободную руку и начал пробираться внутрь.

Когда я полностью вошел в комнату, мои опасения оправдались. Дверь захлопнулась за мной с огромной силой, отчего пламя факела опасно затрепетало, а оставленное мною открытым окно для выхода исчезло из поля зрения. Что бы ни обитало здесь, мне придется убить его, если я захочу сбежать.

Одновременно с закрытием двери столбы задрожали, и секции, на которых крепились цепи, вырвались наружу, окутав комнату густой дымкой пыли и заставив центральную сферу рухнуть на землю.

Пыль еще не успела осесть, но я уже слышал лишь скрежет цепей по полу, словно что-то, запертое внутри, пыталось вырваться на свободу, разъяренное своим заключением.

В центре комнаты, когда пыль начала рассеиваться, я увидел, что цепи были с силой отброшены в сторону, как будто что-то расширялось внутри их уз. Затем я разглядел своего нынешнего противника.

Это была серая слизь, как и остальные, но, в отличие от тех, кого я уничтожил, эта была массивной, размером с крупную собаку или, возможно, небольшого волка.

Слизь, казалось, заметила меня, как только вырвалась из цепей. Ее студенистое тело задрожало и покрылось шипами; она была зла, очень зла.

Я беспомощно улыбнулся ей. Я должен был догадаться: единственная сероватая слизь в Террарии - это мать-слизь и ее потомство, и, похоже, мамочка учуяла трупы своих детей, прилипших к моему телу.

Расставив ноги в боевой стойке, я приготовился встретиться лицом к лицу с разъяренной матерью. Посмотрим, не использует ли она тот же прием, что и ее отпрыск.

Мать-слизь напряглась, а затем бросилась прямо на меня. От перелома ребер меня спас только боевой опыт, полученный от ее детей. Она была намного быстрее своих отпрысков.

Стремительно уклонившись влево, я почувствовал, как небольшая часть ее тела задела мое плечо. Это было чертовски больно: одним лишь прикосновением она нанесла больше урона, чем слизь которую я держал довольно продолжительное время.

И, к моему глубокому несчастью, в отличие от своих потомков, она могла растворять не только плоть. Я слышал и, что еще тревожнее, чувствовал, как шипит и плавится моя футболка и кольчуга.

Взглянув на свое плечо, я увидел отвратительное зрелище. Футболка расплавилась и практически слилась с кожей, а цепной пояс был не лучше: большая часть металла разжижилась и прилипла к плечу.

Не обращая внимания на жгучую боль, я повернул поврежденное плечо; я все еще мог двигать им, хотя и с трудом, что уже хорошо.

Но даже несмотря на это, на моем лице заиграла улыбка. Хотя она была быстрее своих детишек и гораздо более кислотной, она была гораздо медленнее мимика, и, что самое важное, она атаковала мою правую сторону.

Моя улыбка стала шире, но тут же исчезла. У меня был план, но его выполнение не доставляло мне удовольствия.

—Ты боишься огня, не так ли?— риторически спросил я у стоящей передо мной массивной слизи.

Она, казалось, поняла меня и еще больше разъярилась; ее студенистое тело задрожало, словно переживая внутреннее землетрясение. Она была в ярости, но не нападала на меня, как раньше, а, казалось, изучала мои действия.

Я убрал меч в инвентарь: она расплавил мои доспехи одним лишь прикосновением, так что мой клинок мало чем поможет ей. Достаточно будет факела.

Держа мать-слизь в поле зрения, я подошел к ближайшей цепи. Держа факел в правой руке, я присел. Все еще стоя перед слизью, я взял конец цепи в левую руку.

Не нужно было быть гением, чтобы догадаться, что цепи были сделаны из золота - одного из самых стойких к коррозии металлов, если не самого стойкого. И что-то подсказывало мне, что мелкие надписи, украшающие цепи, усиливают этот аспект, поскольку она была заперта в них несметное количество лет, но так и не смогла выбраться.

Ядро всех слизней, с которыми мне доводилось сталкиваться, находилось в центре их студенистых тел; Несмотря на то, что ее форму было труднее различить из-за темного оттенка, не была исключением.

—Эй, Ред, закрой на минутку уши и... в общем, неважно. Увидимся завтра, до следующего раза.— Не поворачивая головы, я зажал факел между зубами и достал телефон из инвентаря, прервав стрим.

Это не имело значения; я скорее потрачу ОС, чтобы завершить трансляцию, чем позволю Ред стать свидетелем того, что я собирался сделать. Это было эгоистично, но я не хотел, чтобы она видела.

Глубоко вздохнув, я убрал телефон и снова схватил факел правой рукой. Мне нужно было, чтобы она сделала выпад в мою левую сторону.

Теперь мне нужно было достаточно спровоцировать ее.

—Знаешь ли ты интересный факт, матушка слизь?— обратился я к слизи, которая, казалось, намеревалась полностью растворить меня в себе.

Это был глупый план, я знал это. Если ей удастся переместить ядро в своем теле, я буду обречен; если она не сделает достаточно сильного рывка, я буду обречен; если ее не удастся спровоцировать, я буду обречен.

Даже зная, что мне предстоит сделать, я заставил себя изобразить самую чистую улыбку, на которую был способен, и распахнул руки, словно приглашая ее в объятия.

Я знал, что ее разъярит, что приведет в ярость любую мать настолько, что она не обратит внимания на все остальное: убийство ее потомства.

Затем я искажил свою улыбку до сардонической и уничижительной.

—Если бы ты учила своих детей, возможно, они бы тоже научились бояться огня.— Мои слова, казалось, подожгли фитиль в ней; ее тело напряглось и сжалось, как сжатая пружина.

Если бы я ошибся в выборе, то плавление было бы наименьшей из моих проблем; скорее всего, я бы взорвался от удара. Напрягая мышцы ног, я приготовился.

Нацепив самую большую, самую фальшивую ухмылку, на какую только был способен, и взяв самый веселый тон, какой только мог изобразить, я продолжил.

—Когда я поджег первого, он понял, что происходит, только незадолго до того, как взорвался!— Я наклонил голову в сторону, как бы искренне любопытствуя. —Чувствовал ли он боль перед смертью? Звал ли он свою мать перед тем, как взорваться?

И этого было достаточно. Мать-слизь замерла, словно само время остановилось. Затем она издала звук, который я могу описать только как «ненависть в звуковой форме». Затем она со всей силы бросилась на меня.

Я уже был готов к этому. Поэтому, когда она оторвалась от земли, я уже сделал несколько шагов в сторону и со всей силы натянул цепь, оставив ее натянутой и расположенной около середины слизи, ее ядра.

Это произошло практически мгновенно: слизь-мать практически полетела ко мне и столкнулась с цепью. Я почувствовал, как удар цепи о ее ядро отозвался в моих руках, а сила столкновения вырвала цепь из моей хватки.

Ядро Матери-слизня практически взорвалось от удара, разлетевшись на куски, а ее тело распалось на две части.

Не успел я поднять руки, как достаточно крупный осколок пробил мне лицо, образовав рану чуть выше носа и чуть ниже правого глаза, почти ослепив меня.

Быстро подняв руки, я защитился от оставшихся осколков своей броней.

Оглянувшись, я увидел, что стало с ее телом: один кусок полетел на землю и разлетелся, а другой столкнулся со стеной с такой силой, что взорвался, окрасив все вокруг ее останками.

Что меня удивило, так это то, что даже без ядра, даже разделенные на две части, отрезанные половинки Матери Слизни пытались двигаться, но не к ядру или друг другу, нет, они пытались

дотянуться до меня, делая последнее, тщетное усилие, прежде чем умереть.

Я проигнорировал уведомления от стрим и подошел к ближайшей части ее тела; я опустился на колени.

Насколько я знал и читал в бестиарии, слизи не чувствовали боли и не были разумными; они обладали лишь базовым инстинктом и минимальным интеллектом, причем некоторые из них были умнее других.

Мать-слизень казалась намного умнее всех слизней, с которыми я сталкивался как в подземелье, так и за его пределами; она должна была понимать, как функционирует ее вид, так почему?

Но даже зная, как функционирует ее вид, даже зная, что ее потомство не чувствует боли, даже зная все это, она с той силой, с которой бросилась ко мне, даже если бы столкнулась с моим телом, то погибла бы от удара; по сути, она совершила самоубийство.

И я довел ее до такой ярости, что даже в смерти ее останки пытались дотянуться до меня в последний раз, пытаясь покончить с моей жизнью.

—Забавно, но я выиграл, не так ли?— прошептал я про себя.

В глазах помутилось, вероятно, от пыли, поднявшейся, когда цепи упали на землю.

Я также чувствовал, как что-то струится по лицу - скорее всего, кровь из пореза; я только не понимал, почему она течет с левой стороны, хотя рана была справа.

—Так... почему это не похоже на победу?— Я не мог не задаться этим вопросом, глядя в пустоту.

<http://tl.rulate.ru/book/98409/3874851>